

алексей

слаповский

самая

настоящая

любовь

Алексей Слаповский

**Самая настоящая любовь.
Пьесы для больших и малых**

«WebKniga»

2011

Слаповский А. И.

Самая настоящая любовь. Пьесы для больших и малых /
А. И. Слаповский — «WebKniga», 2011

Это вторая книга пьес Алексея Слаповского, выпускаемая нашим издательством. Первая, «ЗЖЛ» («Замечательная жизнь людей») оказалась весьма востребованной и в театрах, и у читателей. В данный сборник вошли произведения поставленные, уже имеющие сценическую историю, и совсем новые, недавно написанные. Пересказывать их содержание сложно, но какое-то представление дают наименования жанров, которые предлагает автор. Уже они говорят о многом: реалити-шоу для театра, современная притча, психологический боевик, печальная комедия, драмокомическая пьеса (местами в стихах), страшная, но интересная быль, эксцентрическая комедия, наивный трагифарс, эпопея, лиродрама... При этом самая, быть может, сложная вещь, называемая «Осколки», обозначена просто – пьеса, что выглядит неожиданно экстравагантно на общем фоне. Слаповский, многогранный и переливчатый в своих романах и сценариях, остается таким и в драматургии. На самом же деле ищется и пишется в разных вариантах одна та же «самая настоящая пьеса» про «самую настоящую любовь».

© Слаповский А. И., 2011

© WebKniga, 2011

Содержание

От автора	6
Пьесы для больших театров	7
Уезжаю!	7
Действующие лица	7
I	7
II	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алексей Слаповский
Самая настоящая любовь.
Пьесы для больших и малых

© Алексей Слаповский, 2011

© «Время», 2011

* * *

От автора

Драматургия – самый странный, самый формально дискриминированный из видов литературы. Стихи вполне уместятся в трехстишие, могут быть сонетом, поэмой, романом – и при этом любого размера. С прозой тоже без проблем: рассказ, повесть, эссе, эпопея, и тоже ничто не ограничивает протяженность, кроме авторского трудолюбия и читательского терпения. А вот пьеса (имеется в виду современная) – либо в двух актах, либо в одном. То есть или с перерывом, или без. Если в театре имеется буфет, лучше с перерывом. Если нет – лучше обойтись (особенно когда спектакль сомнительный и велика вероятность массового оттока публики после первого действия). Но это еще не все. Количество интерьеров и действующих лиц ограничено: сцены и штатные расписания театров не резиновые. В идеале, как говорил мне один режиссер, нужна схема «три плюс два»: три актрисы, два актера. Герои не меняют возраста, могут состариться максимум на десять лет. По бедности нашей вернулись к классическому триединству места, времени и действия. Впрочем, мне это даже нравится.

Есть исключения – пьесы, идущие по десять часов, или, напротив, по двадцать минут, с сотней актеров и вовсе без них, но это не повседневная практика, а эксперименты.

Раньше пьесы в одном действии, идущие час-полтора, назывались одноактными. Мне за них было обидно. Как бы неполноценные они. На самом деле, если учесть, что многие идут час-полтора, для современной публики, привыкшей к формату кино, это даже привычно.

Поэтому я не стал называть небольшие пьесы одноактными, но все же разбил для удобства на разделы. Разделение это, конечно, условное, как многое в театре.

Пьесы для больших театров

Уезжаю!

эксцентрическая комедия в двух частях

Действующие лица

ГРАМОВ, уезжающий
ГРАМКО, его верный друг
ГРАМОВЕЦКИЙ, его принципиальный друг
ГРАМСКОЙ, его начальственный друг
ИРИНА, его женщина
ЭЛИНА, его бывшая жена
АЛИНА, его сослуживица с чувствами
МАТЬ, мать
СЕРЖАНТ, сержант

I

1

ГРАМОВ, ИРИНА.

ГРАМОВ. Все! Уезжаю! К чертям собачьим! Вот – билет. На восемнадцатое, сегодня одиннадцатое. Ровно через неделю – до свиданья, прощайте. Вот так вот. Долго я собирался. Надоело. Взял карандаш и ткнул в календарь. Выпало восемнадцатое, я тут же пошел и купил билет на восемнадцатое. Все. Никому мы тут на хрен не нужны!

ИРИНА (*ласково*). Не ругайся, я не люблю.

ГРАМОВ. Знаю, что не любишь. Поэтому и ругаюсь.

ИРИНА. И кто это мы, которые не нужны?

ГРАМОВ. Мы. Я и другие.

ИРИНА. Кто – другие?

ГРАМОВ. Да все!

ИРИНА. Кто все?

ГРАМОВ. Все, кто хочет нормально жить и нормально работать.

ИРИНА. Я хочу нормально жить и работать, и я нормально живу и работаю. Я здесь нужна. И что считать нормальным, вот вопрос.

ГРАМОВ. Мне опостылел этот город. Опостылел мне город этот. Этот опостылел город мне.

ИРИНА. От себя не убежишь.

ГРАМОВ. А я и не бегу от себя! Я бегу от вас!

ИРИНА. От кого – от нас?

ГРАМОВ. От вас от всех!

ИРИНА. Значит – и от меня?

ГРАМОВ. Ты не в счет.

ИРИНА. Ты сказал: от нас от всех. Значит – и от меня.

ГРАМОВ. Ты не в счет!

ИРИНА. Но ты сказал – от всех! Я – среди всех. Почему я не в счет?

ГРАМОВ. В счет, в счет! И от тебя. Я никогда тебя не любил. Слышишь меня? Я никогда не любил тебя. Я не люблю тебя и никогда не любил.

ИРИНА. Возможно, сейчас ты меня не любишь. Но раньше любил. Ты ушел от жены ради меня.

ГРАМОВ. Я ушел лишь бы уйти. А ты просто подвернулась.

ИРИНА. Ты жил с ней спокойно. А потом появилась я, и ты ушел ко мне.

ГРАМОВ. Я ушел не к тебе. Я жил отдельно. А тебя навещал. По необходимости. То есть возникала необходимость – и навещал. Сказать тебе, какая необходимость?

ИРИНА. Не обязательно... Ты, наверно, хорошо подготовился к разговору. Представлял, что ты скажешь, что я отвечу. Я правильно отвечаю? Ты подскажи, как надо.

ГРАМОВ. Повторяю: я тебя никогда не любил.

ИРИНА. Хорошо. Что я должна сказать?

ГРАМОВ. Я – не – любил – тебя – никогда!

ИРИНА. Зачем же кричать? Я ведь согласна: не любил. Зачем кричать?

ГРАМОВ. Не делай из меня идиота! Я не любил тебя никогда! Ни одного дня! Ни разу!

ИРИНА. Хорошо!

ГРАМОВ. Но ты же не веришь!

ИРИНА. Верю.

ГРАМОВ. Ты издеваешься надо мной! Господи, какая же ты...

ИРИНА. Какая?

ГРАМОВ. Все такая же. А я другой. Я, в сущности, давно уже уехал. Я уезжаю, понимаешь? Навсегда.

ИРИНА. Понимаю. Ты уезжаешь навсегда.

ГРАМОВ. Ты не веришь, что ли?

ИРИНА. Почему ты так волнуешься?

ГРАМОВ. Это приятное волнение. Это радостное волнение.

ИРИНА. Если ты так торопишься, мог бы взять билет на завтра.

ГРАМОВ. Мог бы. И хотел бы. Но, к сожалению, нужно уладить кое-какие бытовые дела.

ИРИНА. И со всеми попрощаться.

ГРАМОВ. Ну уж нет. Никаких прощаний. Я пришел просто сказать, что уезжаю.

ИРИНА. Когда человек приходит сказать, что уезжает, это означает – проститься. Разве не так?

ГРАМОВ. Не так. Мне просто некуда девать время. Мне надо его как-то убить до отъезда. Вот я и зашел.

ИРИНА. Только что ты сказал, что тебе надо уладить бытовые дела. А теперь говоришь, что тебе нечего делать.

ГРАМОВ. Ты всегда ловишь меня на словах! Я устал от тебя до смерти, до тошноты! Я с тобой, как под микроскопом, ты изучаешь каждое мое слово, каждое движение... Это же невозможно! Тебя невозможно любить, тебя никто не любит! Таких людей нельзя любить!

ИРИНА. Это неправда.

Пауза.

ГРАМОВ. Я знаю, почему ты спокойна. Ты уверена, что я вернусь. Скажи честно: ведь уверена?

ИРИНА. Нет. Я полагаю, ты собираешься действительно уехать навсегда.

ГРАМОВ. Собираюсь, но не соберусь? Так?

ИРИНА. Соберешься.

ГРАМОВ. Но не уеду?

ИРИНА. Уедешь.

ГРАМОВ. Но не навсегда?

ИРИНА. Навсегда.

ГРАМОВ. Тогда почему ты спокойна?

ИРИНА. Я рада за тебя. Ты ведь заранее счастлив. У тебя будет новая жизнь.

ГРАМОВ. Ты не рада, ты злорадствуешь. Ты уверена, что у меня ничего не получится. Что через пару лет я приеду, приползу, буду стоять вот тут на коленках. Ты же всегда угадывала, что со мной произойдет. Ты любишь угадывать. А потом ручки потирать: по-моему вышло! На этот раз не выйдет. Я не вернусь никогда!

Пауза.

Мне с тобой было хорошо. Мне ни с кем не было так хорошо... Поедем со мной?

ИРИНА. Ты же меня не любишь. Ты сказал.

ГРАМОВ. Мало ли что я скажу.

ИРИНА. У меня больная мама, ты это прекрасно знаешь.

ГРАМОВ. Думаешь, я предложил из вежливости? Возьмем и маму с собой.

ИРИНА. Она не поедет, ты это прекрасно знаешь.

ГРАМОВ. Я скажу прямо и грубо. Можно?

ИРИНА. Конечно.

ГРАМОВ. Давай дождемся, когда она умрет, и я приеду за тобой. Хорошо?

ИРИНА. Хорошо.

ГРАМОВ. Ты мне не веришь?

ИРИНА. Верю.

ГРАМОВ. Да не веришь же, я вижу же! Ты никогда мне не верила. Ты считала меня всегда позером и выскочкой. Я даже не понимаю, зачем я тебе был нужен? То есть понимаю! Очень даже понимаю! Я идеальный объект для наблюдений и насмешек. Ты ведь любишь наблюдать – и посмеиваться!

ИРИНА. Очень люблю.

ГРАМОВ. Ты меня никогда не уважала.

ИРИНА. Я тебя никогда не уважала.

ГРАМОВ. Я тебе был нужен всего лишь как мужчина, как мужик, как... – ты понимаешь!

ИРИНА. Ты мне был нужен как мужик. Я понимаю.

ГРАМОВ. Прекрати!.. Нельзя так. Я ведь действительно – навсегда. Нельзя так расставаться. Мы были счастливы. Мы любили друг друга... О чем ты думаешь? Я ведь вижу, ты о чем-то там себе думаешь! О чем?

ИРИНА. Зачем тебе это знать? Ты уезжаешь, ты уже уехал. Зачем тебе знать, что думает женщина, которую ты никогда не увидишь? Я уже посторонняя, чужая.

ГРАМОВ. Я могу хотя бы напоследок узнать, что ты думаешь?

ИРИНА. Я много чего думаю.

ГРАМОВ. Обо мне! Конкретно обо мне?! Что ты думаешь обо мне?

ИРИНА. Ты хороший человек.

ГРАМОВ. И все?

ИРИНА. Ты красивый, добрый, умный.

ГРАМОВ. Я счастлив. Я счастлив, что уезжаю от тебя. Ни одного слова в простоте от тебя не слышал, все игры какие-то! Ты просто не выросла. Понимаешь? Ты когда-то была умненькой девочкой. Тебе это очень нравилось. Так нравилось, что ты на всю жизнь осталась в положении умной девочки! У тебя никогда не будет нормальной семьи и детей!

ИРИНА. Что такое – нормальная семья?

ГРАМОВ (*воет*). Я с ума сойду! Ох, не завидую тому, кто у тебя будет! Кто всерьез тебя примет! А я – все. Слава Богу – уезжаю!

Пауза.

Кстати, если тебе показалось, что я выпил...

ИРИНА. Мне не показалось.

ГРАМОВ. Если тебе показалось, то это не так. Я бросил пить. Совсем. Хватит. Вы все очень бы обрадовались, если б я спился. А я не только не спился, я уехал и начал все заново. Будь счастлива. «Где Грамов, что-то не видно Грамова?» – «Под забором умер пьяный!» – «Да нет, что вы, он уехал, он начал новую жизнь, у него молодая жена-красавица, он...»

Пауза.

Послушай... Я ведь навсегда уезжаю, навсегда! До тебя не доходит, что ли? Ты думаешь, что за эту неделю до отъезда я еще зайду? Я не зайду больше. Ты меня больше никогда не увидишь!

ИРИНА. Жаль.

ГРАМОВ. И все?

ИРИНА. Мне будет тебя не хватать.

ГРАМОВ. А я забуду о тебе завтра же. Я терпеть тебя не могу, уж извини, пожалуйста. Я давно тебе хотел это сказать.

ИРИНА. Зря терпел. Вот сказал – и легче стало. Легче?

ГРАМОВ. Гораздо.

ИРИНА. Я рада за тебя.

ГРАМОВ. Все. Уезжаю. Все.

Последние слова обращает к появившемуся ГРАМКО. Ирина может уйти, а может и остаться на периферии сцены. Или даже рядом.

2

ГРАМОВ, ГРАМКО, ГРУМОВ, ГРАМОВЕЦКИЙ

ГРАМКО (*весь в своих озабоченных мыслях*). Уезжаешь? Когда?

ГРАМОВ. Скоро.

ГРАМКО. Ясно... Слушай, у тебя ТАМ никого нет?

ГРАМОВ. Где – там?!

ГРАМКО. Не кричи, люди вокруг. ТАМ, где решается мое дело. Ты же знаешь.

ГРАМОВ. Я ничего не знаю.

ГРАМКО. Все знают, один он не знает! Ты во сне живешь, что ли? Короче говоря...

ГРАМОВ (*перебивает, чтобы не выслушивать*). Я вспомнил!

ГРАМКО. Поэтому я и спрашиваю: у тебя ТАМ никого нет? Ну, какой-нибудь бывший сокурсник. Приятель. Собутыльник. Мало ли.

ГРАМОВ. Может, и есть. Но мне некогда. Я уезжаю.

ГРАМКО. Что, правда, есть? Кто?

ГРАМОВ. Какая разница? Я же сказал: я уезжаю!

ГРАМКО. Мне надо было сразу к тебе обратиться! Ты такой, у тебя везде свои люди!

ГРАМОВ. Что ты имеешь в виду?

ГРАМКО. Ты послушай...

ГРАМОВ. Нет, что ты имеешь в виду? Что я настолько продажен и неразборчив, что у меня везде есть входы и выходы? Так?

ГРАМКО. Просто тебя уважают, вот и все. А кто у тебя ТАМ? Может САМ ЭТОТ?

ГРАМОВ. Что тебе конкретно нужно?

ГРАМКО. Господи, обязательно ему конкретно! Кругом уши. Терпеть не могу слухов.

ГРАМОВ. Что тебе нужно?

ГРАМКО. Ты вопишь, как утопающий. Ты сначала скажи, кто у тебя ТАМ? Может, ты шутишь?

ГРАМОВ. Я не шучу, у меня там есть одна хорошая знакомая.

ГРАМКО. Даже так?

ГРАМОВ. Даже так.

ГРАМКО. О, ты известный... *(Хихикает.)*

ГРАМОВ. Кто?

ГРАМКО. То есть проблем не будет?

ГРАМОВ. С кем?

ГРАМКО. Не с кем, а с чем. С МОИМ ДЕЛОМ. Ты общаешься со своей хорошей знакомой и помогаешь мне уладить мое дело. Ты же друг мне или нет?

ГРАМОВ. Во-первых, я уезжаю. Во-вторых, я с этой знакомой раззнакомился.

ГРАМКО. Ну, не завтра же ты уезжаешь. И можно опять познакомиться. Для тебя это раз плюнуть.

ГРАМОВ. Я уезжаю завтра.

ГРАМКО. Отложишь, не горит. Для друга ты можешь отложить?

ГРАМОВ. Она меня ненавидит. И она ТАМ ничего не решает.

ГРАМКО. Это неважно. Главное, она ТАМ. То есть у нее есть связь с тем, кто решает. А что ненавидит, это даже хорошо. Женщинам нравится миловать.

ГРАМОВ. Да ты психолог! Шел бы сам к ней, если ты такой знаток людей. Соблазней, решай свое дело сам!

ГРАМКО. Я неумелый. Я ни разу не изменял жене. Просто не могу. Я вообще с людьми разговаривать не умею. Убеждать не умею. Просить не умею.

ГРАМОВ. А я умею?

ГРАМКО. Ты гений в этом смысле.

ГРАМОВ. В смысле просить?

ГРАМКО. В смысле убеждать.

ГРАМОВ. Допустим. Но я не смогу.

ГРАМКО. Почему?

ГРАМОВ. Я завтра уезжаю.

ГРАМКО. То есть как? Куда?

ГРАМОВ. Далеко.

ГРАМКО. То есть как уезжаешь? А я? Вот так вот меня и бросишь, что ли? Лучшего друга?

ГРАМОВ. А с чего ты взял, что мы лучшие друзья?

ГРАМКО. А разве нет? Мы сто лет знаем друг друга. Мы находим общий язык. Мы делимся всеми радостями и печалью. Мы помогаем друг другу.

ГРАМОВ. Возможно, возможно. Но я уезжаю.

ГРАМКО. Уедешь позже.

ГРАМОВ. Я не могу позже. Меня ждут!

ГРАМКО. Позвони, скажи, что у тебя родственник умер.

ГРАМОВ. Они знают, что у меня никого нет, кроме матери.

ГРАМКО. Скажи, что умер друг. Придумай что-нибудь, ты же умеешь, у тебя творческий ум. А у меня решается судьба.

ГРАМОВ. Я уезжаю. Я уезжаю навсегда. И я не хочу тебе помогать.

ГРАМКО. Почему?

ГРАМОВ. Просто – не хочу. Я потерял стыд и совесть. Ты обидишься на меня? А мне плевать. Я ведь никогда больше тебя не увижу. Я никому больше не помогу. Идите все к черту. Ты понял меня?

Пауза.

ГРАМКО. Постой. Так ты хочешь куда-то уехать?

ГРАМОВ. Дошло, наконец! Поздравляю! Да, хочу. Уезжаю. Восемнадцатого.

ГРАМКО. И надолго?

ГРАМОВ. Навсегда.

ГРАМКО. Я понимаю, тебе тесно в этом городе. Но ты не прав. Многие уехали, но тебя я считал человеком долга. И, извини, патриотом. Мы с тобой элита, мы мозги и душа этого города, если мы уедем, кто останется? Хотя тебе видней. Но ведь нужно оставить о себе добрую память! Помоги мне и этим ты оставишь о себе добрую память.

ГРАМОВ. Я не хочу тебе помогать. Я не хочу оставлять добрую память! А ты отныне – бывший друг. Я не помогаю бывшим друзьям. Я не хочу застревать в своем прошлом. Меня уже нет. Вот представь: нет меня. Я уехал. Что бы ты делал, кого просил бы о помощи?

ГРАМКО. Не знаю.

ГРАМОВ. Я что, единственная твоя надежда?

ГРАМКО. В общем-то да. Ты же знаешь, я человек замкнутый, у меня мало контактов и вообще... Если не ты, тогда хоть в омут головой, тогда я пропал. Ты понимаешь, что это дело моей жизни? И вот сейчас, когда все решается, ты... Что ж...

Плачет.

ГРАМОВ. Перестань!

ГРАМКО. Повеситься, больше ничего не остается.

Пауза.

ГРАМОВ. Ладно. Я попробую наладить контакт кое с кем. Но ничего не обещаю. Если успею, попробую. Слышишь меня? Если успею!

ГРАМКО. Ты успеешь. Не было такого, чтобы ты не успевал. Спасибо тебе. *(Дает ему папку.)* Вот. Тут все. Вся моя жизнь. Мой последний шанс.

ГРАМОВ. Никаких последних шансов! Я сказал: если успею!

ГРАМКО. Хорошо, хорошо!

ГРАМОВ. Но учти, мне это все глубоко противно. Учти, этим ты нашу дружбу уничтожаешь.

ГРАМКО. Это ничего. То есть... Нет, почему? Нет, ты напрасно! Наша дружба – это...

Является ГРАМОВЕЦКИЙ.

ГРАМОВЕЦКИЙ. О чем речь?

ГРАМКО. Так. О погоде. Ничего особенного.

ГРАМОВЕЦКИЙ. Погода дрянь. *(Грамово.)* Как всегда, устраиваешь свои дела чужими руками? *(Грамову.)* Не связывайся с этим гадом. Ему сунь палец – всю руку оттяпает!

ГРАМКО. Я никогда...

ГРАМОВЕЦКИЙ *(ему)*. А ты тоже хорош! Нашел у кого помощи просить! Да я бы за два дня твое дело устроил!

ГРАМКО. Ты можешь? У тебя ТАМ кто-то есть?

ГРАМОВЕЦКИЙ. У меня ТАМ – все! Я там левой ногой любую дверь открою.

ГРАМОВ. А потом тебя левой ногой вышвырнут. Потому что ты прешь напролом.

ГРАМОВЕЦКИЙ. Зато я говорю им правду в глаза!

ГРАМКО *(Грамовецкому)*. Ты действительно мог бы попробовать? И сумеешь решить мое дело?

ГРАМОВЕЦКИЙ. Там? И не надейся! Решать там ничего нельзя вообще! Но они хотя бы узнали от меня, кто они есть на самом деле! Подонки, олухи, сволочи!

ГРАМКО. Не кричи.

ГРАМОВЕЦКИЙ. Тут не кричать, тут бить надо во все колокола! Хотя смысла нет. Но – тем не менее. (*Грамову.*) А ты, я слышал, уезжаешь? Крысы вы все! Крысы бегут с тонущего корабля!

ГРАМОВ. Я не бегу. Я уезжаю. И я что-то не понял. Ты в своей паршивой газетенке каждый день трубишь, что в городе стало невозможно жить.

ГРАМОВЕЦКИЙ. Я трублю – как публицист! Но как человек – я остаюсь, а не сбегую, как крыса! Да, корабль тонет! Но настоящий капитан не отходит от штурвала до самого конца!

ГРАМОВ. Ты уже капитан?

ГРАМОВЕЦКИЙ. Я образно выражаюсь. А крысы пусть бегут!

ГРАМКО. Наверно, ты своими статьями хочешь как-то улучшить положение. Это благородно.

ГРАМОВЕЦКИЙ. Я не занимаюсь самообманом. Ничего я не улучшу, будет еще хуже. Будет то, о чем мы и не подозреваем. Ха, шуточки: десятилетиями мы качали из-под земли газ и нефть, одновременно строили дома, канализации, все к черту перекопали, подземный водный баланс нарушен, вода ушла, и наш город стоит на огромных пустотах! Недавно говорил с одним геофизиком – светлейшая голова, так вот он математически доказал мне, что не позже, чем через пять лет, наш город провалится к чертям собачьим! Весь! Сразу!

ГРАМКО. Это правда?

ГРАМОВ. Это газетная правда.

ГРАМОВЕЦКИЙ. Через пять лет увидите. Так что уезжайте, бегите, крысы!

ГРАМКО. Нелогично. Если ты все это знаешь... Если не надеешься на лучшее... Почему же ты не уезжаешь?

ГРАМОВ. Потому что он нигде никому не нужен. Здесь он рупор, скандалист областного масштаба. Приятней быть капитаном на тонущем корабле, чем крысой на крейсере.

ГРАМКО (*задумчиво*). Это вопрос философский...

ГРАМОВЕЦКИЙ (*Грамову*). Ты сам такой же дремучий провинциал, как и я. И никуда ты не уедешь! Ты нигде никому не нужен! Потому что никто нигде никому не нужен.

ГРАМОВ. Вот билет. На восемнадцатое. Убедись.

ГРАМОВЕЦКИЙ. Мало ли. Уехал и приехал!

ГРАМКО (*неожиданно*). Я придумал! Друзья мои, слушайте! Это гениально! (*Грамовецкому.*) Сначала туда идешь ты! Пусть ты там наорешь и испортишь дело – неважно. Главное: запомнят. А когда придешь уже ты, Грамов, они призадумаются: значит не только психи хлопчут об этом деле, но и разумные люди! Надо обратить внимание! А? Как вам такой план?

ГРАМОВЕЦКИЙ. Ты меня назвал психом?

ГРАМКО. Я шутя. Я дружески.

ГРАМОВЕЦКИЙ. Ты плохо знаешь мою гордость! Вы привыкли, что меня бьет всякая сволочь со всех сторон – я имею в виду власть, вам кажется, что я буду все это терпеть? Так вот. Сейчас я дружески дам тебе по морде. Понял меня? Защищайся, гад!

ГРАМКО. Не буду. Мы друзья, я не хочу с тобой ссориться.

ГРАМОВЕЦКИЙ. Дело твоей жизни (*тычет пальцем в папку*) – дрянь, пустота, труха!

ГРАМКО. Ну, знаешь! Сейчас как стукну. Не посмотрю, что друг детства.

ГРАМОВЕЦКИЙ. Посмотрим, кто первый кровью умоется!

ГРАМКО. Ну, налетай!

ГРАМОВЕЦКИЙ. Еще как налечу!

ГРАМКО. Налетай, налетай!

ГРАМОВЕЦКИЙ. Пусть врачей заранее вызовут.

ГРАМОВ. А ну, хватит! (*Встает меж ними.*) Вы лучше вот что. Восемнадцатого я уезжаю. Нехорошо уезжать не простившись. Давайте я семнадцатого устрою отвальную вечеринку. Придете?

ГРАМОВЕЦКИЙ. Крысу провожать? Ни за что! А если и приду, то всем так и скажу: пришел за хвост выбросить крысу с корабля! Учти, ты меня знаешь!

ГРАМОВ. Я тебя знаю.

ГРАМОВЕЦКИЙ. А еще лучшими людьми города считались! Глядеть на вас противно!

Уходит.

ГРАМКО. Так я надеюсь?

ГРАМОВ. На что? Ах, да... Я попробую. Ничего не обещаю. А семнадцатого – жду.

ГРАМКО. Конечно, конечно. Во сколько?

Появляется ЭЛИНА, Грамов отвечает ей так, будто вопрос задала она. Остальные уходят. Или остаются.

3

ГРАМОВ, ЭЛИНА, ГРАМСКОЙ.

ГРАМОВ. Часов в шесть вечера. Придешь?

ЭЛИНА. А кто будет?

ГРАМОВ. Какая разница? Я уезжаю, это главное. Ты не хочешь со мной проститься?

ЭЛИНА. Мы простились давно, когда развелись.

ГРАМОВ. Но жили все-таки рядом. Ну, то есть все-таки в одном городе. А теперь я уезжаю. Придешь? Я ведь навсегда.

ЭЛИНА. Эта женщина будет там?

ГРАМОВ. Кто?

ЭЛИНА. Ты знаешь.

ГРАМОВ. Я уезжаю. Какая разница, будет она или не будет? У меня с ней все кончено.

ЭЛИНА. Правда?

ГРАМОВ. Я уезжаю один. И не вернусь.

ЭЛИНА. А когда у тебя с ней все кончено?

ГРАМОВ. Давно.

ЭЛИНА. Давно – понятие растяжимое. Мы с тобой расстались пять лет назад, а мне кажется – только вчера. Я первые три года вообще не могла поверить, что ты ушел. Потом еще года два привыкала, что ты ушел. И вот только недавно привыкла. То есть не привыкла, а поняла. Ты очень долго уходил. Она что, вышла замуж?

ГРАМОВ. Нет.

ЭЛИНА. Почему же ты уезжаешь?

ГРАМОВ. Она тут вообще ни при чем. Я уезжаю по другим причинам. Мне предлагают интересную работу. Меня ценят там. Гораздо больше, чем здесь. Известное дело, нет пророка в своем отечестве!

ЭЛИНА. Она-то тебя считала пророком.

ГРАМОВ. Как раз нет. Она как раз... Ладно, это неинтересно.

ЭЛИНА. Он не уважала тебя. Да и ты ее тоже. Ты ничего в ней не видел, кроме внешности. Хотя там и внешность так себе. Я до сих пор не понимаю, что ты в ней нашел.

ГРАМОВ. Это в прошлом, нет этого, все, кончено!

ЭЛИНА. Ты это мне говоришь – или ей тоже сказал?

ГРАМОВ. Я это ей сказал.

ЭЛИНА. А как ты ей сказал? Ты пойми, я ведь женщина, я знаю, что очень важно – как сказать, что именно сказать. Что ты ей сказал?

ГРАМОВ. Да тебе-то зачем?

ЭЛИНА. Мне просто интересно. Я не думала, что у тебя хватит решимости. Ты даже мне ничего не сказал. Ушел молча. Скрывался от меня, чтобы ничего не говорить. А тут – сказал. Я удивляюсь.

ГРАМОВ. Не веришь, что ли? Я могу буквально повторить. Я сказал ей, что никогда ее не любил. Что терпеть ее не могу. Ну, и дальше в этом духе.

ЭЛИНА. Именно так сказал?

ГРАМОВ. Именно так.

ЭЛИНА. Я восхищаюсь тобой. А что она?

ГРАМОВ. Она? Ничего. Против правды не попрешь. Съела, как говорится, не поморщившись.

ЭЛИНА. Даже не поморщившись?

ГРАМОВ. Ты же ее знаешь, она никогда не подаст вида.

ЭЛИНА. Насквозь лицемерная женщина. Значит, мы снова вместе?

Пауза. Недоумение Грамова.

Ну, если ты ушел от нее – значит, мы опять вместе. Если ты не с ней, то со мной.

ГРАМОВ. Я уезжаю! Вот билет! Я устраиваю прощальную вечеринку!

ЭЛИНА. Я давно тебя знаю. Ты гордый. Ты хочешь вернуться ко мне, но тебе не позволяет гордость. Ты боишься остаться здесь, потому что будешь каждый день думать обо мне, о своем сыне. Каждый вечер ты будешь хотеть только одного: прийти ко мне. Поэтому уезжаешь. Зачем? Зачем бояться себя?

ГРАМОВ. С кем ты говоришь?

ЭЛИНА. Не понимаю. С тобой.

ГРАМОВ. Ты ошибаешься! Когда ты говоришь со мной, мне всегда хочется оглянуться! Знаешь, почему я ушел от тебя? Потому что мне стало страшно. Ты меня подменила кем-то другим. Ты видела другого, говорила с другим, ты даже, извини, спала с другим. Это жуть просто!

ЭЛИНА. Ошибаешься. Это ты считал себя кем-то другим, но я-то знала, какой ты – настоящий. Ты...

ГРАМОВ. Я убил человека.

ЭЛИНА. Перестань. Ты...

ГРАМОВ. Я убил человека! Меня разыскивают! Мне надо скрыться! Вот почему я уезжаю!.. Три дня назад... Я вообще-то не пью. Уже больше года. Но вот решил. Решил отметить свой отъезд... Потому что я в любом случае уехал бы, просто совпало. Отметить наедине с самим собой... Я зашел в пивнушку своей юности – кафе «Зеркальное» это называлось, а теперь... Неважно. И вот наслаждаюсь одиночеством и размышлениями, вдруг – Грамской. Помнишь Грамского?

ЭЛИНА. Да, конечно. Но как он туда попал? Он теперь не ходит по таким местам.

ГРАМОВ. Он увидел меня сквозь стекло. Ехал мимо – и увидел.

Является ГРАМСКОЙ.

ГРАМСКОЙ. Здравствуй, друг дорогой! Представь, я увидел тебя сквозь это пыльное стекло, да еще на скорости!

ГРАМОВ. У тебя орлиное зрение, как и положено администратору твоего масштаба. Увидел, налетел, схватил – и простил. А стекло пыльное, да. Так прикажи, мигом вымоют. Тебе только пальцем шевельнуть, ты – власть!

ГРАМСКОЙ. Между прочим, я давно подумываю о привлечении подобных заведений к штрафам за неприглядный вид. В конце концов, внешний вид здания, кафе это или магазин, это тоже окружающая среда. Это настроение людей. Допустим, я живу рядом. Я в добром настроении иду на работу. И первое, что я вижу: облупившийся фасад и пыльные стекла. Мое

настроение портится, работоспособность падает, я становлюсь пессимистом и вместо работы иду сюда пить пиво и плевать на общественный и жизненный долг.

ГРАМОВ. Угощайся.

ГРАМСКОЙ. Нет, спасибо.

ГРАМОВ. Брезгуешь?

ГРАМСКОЙ. Нет. Просто не люблю пива. Никогда не любил. Слишком мочегонно на меня действует. Это Гримов хвастается, что у него королевский мочевого пузырь. Знаешь такое выражение – королевский мочевого пузырь?

ГРАМОВ. Знаю.

ГРАМСКОЙ. Это из Англии пошло. Там заседания парламента во главе с королем продолжались всегда очень долго.

ГРАМОВ. Я знаю!

ГРАМСКОЙ. И никто не имел права выйти, пока не выйдет король. Но и король не мог выйти, пока не кончилось заседание. То есть должен был терпеть.

ГРАМОВ. Я знаю!

ГРАМСКОЙ. Так вот, отсюда и пошло выражение: королевский мочевого пузырь. Гримов на спор однажды выпил двенадцать кружек пива и пошел на шестичасовое заседание, то есть такое, которое должно было длиться не меньше шести часов. Представь себе, оно длилось семь часов двадцать минут. И Гримов выиграл!.. Но я не считаю, что это подвиг. Во-первых, опасно для жизни. Во-вторых, организм должен исправно и регулярно отправлять свои потребности. Я не люблю насилловать свой организм даже при напряженном графике моей работы. Особенно это касается питания. Вот ты пьешь пиво, да еще с воблой. Вобла вызывает жажду, от этого ты пьешь больше пива, пиво же провоцирует съесть что-либо соленое, ты опять ешь воблу, и опять пьешь пиво, и опять ешь воблу – и это превращается в бесконечный процесс.

ГРАМОВ. Ты зашел, чтобы мне это сказать?

ГРАМСКОЙ. Ты очень раздражен. И плохо выглядишь. С тобой что-нибудь случилось?

ГРАМОВ. Ты даже не представляешь, как мне хорошо! Ты даже не представляешь, насколько отлично я себя чувствую! У меня праздник сегодня. Я зашел сюда – и отмечаю. У меня достаточно средств на лучший ресторан, но это любимое место моей юности. Я всегда здесь отмечаю свои праздники.

ГРАМСКОЙ. Привязанность к любимым местам юности – хорошая черта. Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам, как сказал поэт. А что за праздник? У тебя день рождения?

ГРАМОВ. Нет.

ГРАМСКОЙ. Ты получил повышение по работе? Кстати, где ты работаешь? То есть я слышал, но...

ГРАМОВ. Нет, не угадал. Я не получил повышения по работе.

ГРАМСКОЙ. Ты успешно завершил какое-то дело?

ГРАМОВ. Нет.

ГРАМСКОЙ. Влюбился?

ГРАМОВ. Нет, дорогой мой, нет!

ГРАМСКОЙ. Развелся с женой?

ГРАМОВ. Этот праздник был у меня уже пять лет назад.

ГРАМСКОЙ. Тогда не знаю.

ГРАМОВ. А ты подумай. Не одной же задницей ты высидел свое кресло, ты же у нас не дурак считался.

ГРАМСКОЙ. Не знаю... Сдаюсь. Скажи сам.

ГРАМОВ. Хитрый какой. Напряги извилины, подумай!

ГРАМСКОЙ. ...У тебя подозревали опасную болезнь. Ты проверился – и оказалось, что ничего страшного?

ГРАМОВ. Нет.

ГРАМСКОЙ. Ты попал под следствие. Тебе грозил суд. Но ты доказал свою невиновность.

ГРАМОВ. Нет.

ГРАМСКОЙ. У тебя родился сын.

ГРАМОВ. Нет.

ГРАМСКОЙ. Ты меня дурачишь. Никакого у тебя праздника нет.

ГРАМОВ. Есть. Очень большой праздник.

ГРАМСКОЙ. Какой? Мы ведь друзья, почему ты не хочешь сказать?

ГРАМОВ. Из вредности. Чтобы тебе не казалось, что все в этом мире уже тебе подвластно.

ГРАМСКОЙ. Мне так не кажется.

ГРАМОВ. Кажется, у тебя это на харе написано!

ГРАМСКОЙ. Хорошо. Пусть кажется. Ты можешь мне сказать, что у тебя за праздник?

ГРАМОВ. Я бы сказал. Допустим, мы стоим, по-приятельски пьем пиво и кушаем воблу. Говорим о том о сем. И я признаюсь с душевной теплотой, что у меня праздник.

ГРАМСКОЙ. Я могу и выпить пива. Я иногда пью пиво. И воблу тоже иногда. Это народный деликатес, а я тоже из народа вышел, отец у меня, как ты знаешь, был простой слесарь и умер, между прочим, от самой народной нашей болезни – от запоя.

ЭЛИНА. И он выпил пива?

ГРАМОВ. Он пил с отвращением пиво и сосал с отвращением воблиный хвост – и ждал, когда я открою мою тайну. Он не мог без этого уйти. Как же так?! – в этом мире, в этой вселенной ему известен ход всех планет и помыслы всех людей – и вдруг что-то тайное! Он не мог этого стерпеть.

ГРАМСКОЙ. Неплохое пиво. Так что у тебя за праздник?

ГРАМОВ. Друг! Брат! Есть такое выражение: делиться радостью. То есть я как бы отдаю тебе часть своего счастья, и ты тоже становишься отчасти счастливым. Но ужасные времена, друг мой, ужасные, ничего не дается даром! Я тоже испортился и не хочу с тобой делиться бескорыстно, ты уж прости!

ГРАМСКОЙ. Что ж, заплатить тебе, что ли?

ГРАМОВ. Зачем? Тебе это обойдется очень дешево. Пролезь под этим столом. Тебе даже не придется сильно нагибаться, он высокий. Пролезь – и узнаешь о моей тайне, о моем счастье.

ГРАМСКОЙ. Извольте шутить?

ГРАМОВ. Нисколько.

ГРАМСКОЙ. В таком случае, я обойдусь.

ГРАМОВ. Дело твое.

ГРАМСКОЙ. Кругом люди. Некоторые могут меня узнать. Мои портреты в предвыборную кампанию на заборах висели.

ГРАМОВ. Мало ли что висит на заборах. Ладно. Не хочешь – я не настаиваю.

ГРАМСКОЙ. А может, что-нибудь другое? Какая-нибудь помощь с моей стороны? Хочешь, продам тебе задешево машину? Я купил новую, а свою продаю. Я продам тебе ее за полцены.

ГРАМОВ. Обойдусь. Только под стол, замены не допускается!

ГРАМСКОЙ. Ты просто псих. Оставайся тут со своей дурацкой радостью. Ты идиот, вот и все.

Пауза.

Ты можешь меня загородить? Встань вот здесь. И я пролезу. Но больше – никаких условий! Я пролезу, и ты мне сразу говоришь! Без обмана!

ГРАМОВ. Идет.

ГРАМСКОЙ. Я тебе не верю.

ГРАМОВ. Расписку тебе дать, что ли?

ГРАМСКОЙ. Это был бы оптимальный вариант.

ГРАМОВ. Хорошо.

ЭЛИНА. И ты дал ему расписку?

ГРАМОВ. Дал. «Обязуюсь рассказать о том, какой у меня праздник, если Громов пролезет под столом. Подпись».

ГРАМСКОЙ (*пролезает под столом*). Ну? Говори!

ГРАМОВ. Радость у меня такая, друг мой...

ГРАМСКОЙ. Ну?

ГРАМОВ. Я сегодня проснулся и почувствовал, что абсолютно свободен. Никогда я этого не чувствовал. Абсолютно свободен. Это такое счастье, такой праздник! Вот его я и праздную!

ГРАМСКОЙ. Ты врешь! Ты меня обманул! Учти, это не просто бумажка, это документ! Признавайся, гад ты такой! Говори!

ГРАМОВ. Я сказал чистую правду.

ГРАМСКОЙ. Да я тебя сгною, подлеца! Я в тюрьму тебя посажу, я с лица земли тебя сотру, вонючая ты мокрица, ты будешь валяться у меня в ногах, умываться кровью и умолять, чтобы я тебя простил! Сволочь! Подонок! Говори!

ГРАМОВ. Я все сказал.

ГРАМСКОЙ. Как сейчас въеду вот кружкой по башке! Скотина!

ЭЛИНА. И он замахнулся, и ты вынужден был защищаться – и нечаянно убил его? Тебя оправдают! А его посмертно осудят за превышение власти. Ишь какой! Кружками замахиваются! Негодяй, Царство ему небесное.

ГРАМОВ. Нет. Он еще позлился и ушел, прокляв меня навеки и сказав, что никогда не забудет мне этого...

ГРАМСКОЙ. Дурак ты, вот что я тебе скажу. Просто дурак.

Уходит. Или остается.

ЭЛИНА. Значит, ты никого не убил?

ГРАМОВ. Я посмеялся и пошел взять еще пива. А когда вернулся, за моим столиком оказался оборванец. Нищий алкоголик. Он пил пиво из моей кружки, пуская туда свои грязные слюни. Он грыз мою воблу своими черными обломками зубов. И я вдруг такую ненависть почувствовал к нему. Я стал отгонять его, а он полез ко мне с объятиями. Он сказал, что рад меня видеть. Я не знаю, что со мной случилось... Я схватил кружку и изо всей силы ударил его. Он упал весь в крови. И тут же застыл. А я позорно бежал. Бежал и продолжаю бежать. Уезжаю.

ЭЛИНА. Но послушай! Возможно, ты не убил его до смерти. И если он нищий алкоголик, то вряд ли кто станет заводить уголовное дело и искать убийцу. Ты избавил общество от асоциального элемента! Зачем тебе уезжать? Тебе надо скрыться, да. Но уезжать необязательно. У нас же есть дача, а в даче погреб. Поживи там некоторое время. Я буду тайно привозить тебе каждый день еду. Тебя там никто не найдет.

ГРАМОВ. Я не хочу, чтобы ты общалась с убийцей.

ЭЛИНА. Выдумал тоже: убийца! Ты никакой не убийца, все вышло случайно. Это часто бывает: человек убьет кого-то, но по сути он не убийца. И наоборот: человек никого не убил, но по сути убийца, и его давно пора расстрелять, потому что он мысленно убил уже десятки людей.

ГРАМОВ. Спасибо. Ты добрая женщина. Но я решил. Я еду.

Последние слова он обращает к появившейся матери.

4

ГРАМОВ, МАТЬ.

МАТЬ. Когда?

ГРАМОВ. Через неделю, мама. Не грусти.

МАТЬ. Как же ты там будешь без меня? Ты будешь пить, сопьешься и умрешь.

ГРАМОВ. Я уже не пью. Я бросил. Завязал.

МАТЬ. Там бандитизм. Ты почитай газеты, там сплошной бандитизм. Тебя встретят вечером, ограбят, изобьют и ты умрешь.

ГРАМОВ. Как будто здесь нет бандитизма.

МАТЬ. Здесь все свое. Дома и стены помогают. Здесь я. Ты успеешь добраться до меня, я вызову «скорую помощь», и тебя спасут. А куда ты там доберешься?

ГРАМОВ. Мама, мама, не волнуйся так. Может, я скоро вернусь.

МАТЬ. Ты не вернешься. Я чувствую. Ты совсем не следишь за собой. Зимой ты ходишь нараспашку. Тут я тебе поправляю шарф, а кто там тебе будет поправлять шарф? Ты схватишь воспаление легких и умрешь.

ГРАМОВ. Я заведу себе женщину. Она будет обо мне заботиться.

МАТЬ. Разве она будет так заботиться, как мать? И я тебя знаю, ты будешь хвастаться перед ней, что ты молод и здоров и можешь ходить нараспашку. Ты будешь с ней гулять допоздна. Ветром с нее сорвет шарфик, я просто как наяву вижу его – такой розовый газовый шарфик, он улетит и упадет в холодный осенний пруд. Ты бросишься, конечно, ты бросишься доставать его – в одежде, она будет смеяться, она будет в восхищении, а ты простудишься, получишь осложнение и умрешь!

ГРАМОВ. Мама, мама, я буду осторожен. Я не полезу в осенний холодный пруд, даже если она сама туда упадет. Я, к сожалению, перестал быть джентльменом в отношении женщин.

МАТЬ. Это еще хуже! Она почувствует, что ты слишком спокоен и начнет возбуждать твою ревность. О, я знаю женщин, хотя и сама женщина! Она нарочно будет изменять тебе. А ты слишком гордый, ты не вынесешь этого, ты повесишься или отравишься – и умрешь.

ГРАМОВ. Мама, мама, нет на свете женщины, из-за которой я захотел бы повеситься. Если хочешь, я вообще никого не буду заводить, проживу один.

МАТЬ. Это опасно в большом городе. Одиноким молодой симпатичный мужчина, это очень опасно. Я ведь читаю газеты, я наполнена современными знаниями. К тебе начнут приставать гомосексуалисты, по своей наивности ты примешь это за дружбу, из-за своей природной деликатности ты не сможешь отказать им в небольшой услуге из-за деликатности и из-за твоей неумной страсти к познанию всех сторон жизни. В результате ты заразишься СПИДом и умрешь!

ГРАМОВ. Мама, мама, но все это может произойти и здесь!

МАТЬ. Здесь я с тобой. Здесь с тобой ничего не случится, потому что я с тобой.

ГРАМОВ. Тогда поехали вместе.

МАТЬ. Я не смогу. Я предчувствую. Я знаю. Я умру там.

ГРАМОВ. Я буду звонить тебе каждый вечер, буду писать, буду приезжать.

МАТЬ. Я не смогу без тебя. Я умру через неделю после твоего отъезда. Я это чувствую.

ГРАМОВ. Мама, мама, зачем ты это говоришь? Ты еще молода и здорова, пожалуйста, не нагнетай страсти. Это я умру, если не уеду. Я погибну физически, понимаешь? Отпусти меня, пожалуйста.

МАТЬ. Как же я могу тебя отпустить на верную смерть? Подумай только, о чем ты говоришь?

ГРАМОВ. Я обещаю тебе, я клянусь, что буду осторожен!

МАТЬ. Это не гарантия. Я давно убедилась, что смерть наступает в первую очередь как раз тех, кто боится ее.

ГРАМОВ. Я не боюсь смерти!

МАТЬ. Это еще опасней! Нельзя бросать ей открытый вызов!

ГРАМОВ. А как тогда к ней относиться?

МАТЬ. Ее надо уважать.

ГРАМОВ. Мама, мама, что же мне делать?

МАТЬ. Уезжать. Может, ты и в самом деле вернешься... А сейчас – надо уехать. Тебе это нужно.

ГРАМОВ. А как же ты?

МАТЬ. Я еще молода и здорова, не надо обо мне беспокоиться.

ГРАМОВ. Но там и в самом деле центр преступности и бандитизма.

МАТЬ. Носи с собой газовый пистолет. И главное, никого не бойся. Убивают тех, кто боится.

ГРАМОВ. И я действительно очень безалаберный. Буду ходить нараспашку, простужусь и умру.

МАТЬ. Ходи очень быстро. Кто быстро ходит – не простужается. Моржи вон вообще голышом купаются, но они делают это быстро, я видела. Бросился – поплавал, попрыгал. Главное, регулярно питаться. Ты обедал сегодня?

Появляется Алина с вопросительным выражением лица.

5

ГРАМОВ, АЛИНА, СЕРЖАНТ.

ГРАМОВ. Не помню. Представь себе, не помню.

АЛИНА. Так я и думала. Вы работаете так... Так нельзя. Вы даже поесть забываете. Хотите кофе с бутербродами? Вот с сыром, с ветчиной.

ГРАМОВ. Спасибо. С удовольствием. А ты?

АЛИНА. Я уже ела. Я мало вообще...

ГРАМОВ. Если кого-то мне и будет жаль, Алиночка, то тебя.

АЛИНА. Не понимаю.

ГРАМОВ. Я уезжаю, Алиночка. Вот сейчас отнесу заявление – и все. Так сказать, без выходного пособия, по собственному желанию.

АЛИНА. А куда?

ГРАМОВ. Далеко.

АЛИНА. В Израиль?

ГРАМОВ. Почему в Израиль?

АЛИНА. Не знаю. За этот год две мои подруги уехали в Израиль. Одна еврейка, другая за еврея замуж вышла.

ГРАМОВ. Нет, я не в Израиль, я дальше. В Москву. Пока, по крайней мере.

АЛИНА. Разве Москва дальше Израиля?

ГРАМОВ. Гораздо. Я не географию имею в виду. В Израиле наших сейчас больше, чем в Москве. А в Москве чужих больше, чем в Израиле.

АЛИНА. Наших – это кого?

ГРАМОВ. Наших – это наших. Таких, как мы с тобой.

АЛИНА. А когда вы уезжаете?

ГРАМОВ. Через неделю. Восемнадцатого.

АЛИНА. Значит, я уже не успею.

ГРАМОВ. Чего ты не успеешь, Алиночка?

АЛИНА. Не успею сказать, что я вас люблю.

ГРАМОВ. Хм... Я понимаю, это шутка.

АЛИНА. Какая шутка... Восемь лет я вас знаю. И сразу же влюбилась. Все собиралась сказать. Уже решила – и тут вы с женой разводитесь. Думаю: неприлично, он может подумать, что я воспользовалась моментом. А потом у вас женщина появилась. Но я все равно собиралась сказать. Потом вижу, что у вас охлаждение к ней. Уже примерно год. Я же слышала, как вы с ней по телефону говорите. Я подумала: неприлично. Может, у вас это временно, может, вы как раз решаете для себя, остаться с этой женщиной или уйти. Я признаюсь – и вы решите уйти, потому что появится... ну, повод. Повод – обманчивая вещь. И я решила еще подождать. И вот, дождалась. Вы уезжаете. И я уже не успею сказать, что я вас люблю.

ГРАМОВ. Алина... Если честно... Я представить не мог... Сколько раз я смотрел на тебя и думал: вот славнейшая девушка, сама чистота, красота и скромность. Принцесса на горошине. Таких не бывает. Я и мечтать не смел. Если б я знал...

АЛИНА. Вы уедете, а я не успею, не успею.

ГРАМОВ. Я уеду только через неделю.

АЛИНА. Это слишком мало. Нужно, чтобы была соответствующая обстановка. Я тысячу раз это представляла. И решила так: мы случайно встречаемся на улице. Воскресный вечер. Мы оба – одиноки. Мы идем к набережной, говорим о разных пустяках. Мы садимся там под зонтик летнего кафе, спрашиваем бутылку белого вина, кофе и мороженое. Мы пьем вино, смеемся, становится темно, огоньки теплоходов на реке и бакенов, а над нами огни города, а под нашим зонтом неяркий свет маленькой лампы, вокруг нее бабочки и всякая мошкара. Вы говорите, говорите – и вдруг замолкаете, потому что видите, что я смотрю на вас как-то странно. Вы спрашиваете: что случилось, Алина? А я отпиваю глоток вина и говорю очень просто и спокойно: ничего, просто я вас люблю.

ГРАМОВ. Но это же...

АЛИНА. За восемь лет мы встречались воскресным вечером пять раз. Но я не решалась. Осталось всего лишь одно воскресенье. Вероятности, что мы встретимся – нет. Это просто математически невозможно.

ГРАМОВ. Почему же? Давай договоримся и...

АЛИНА. Нет. Это должно быть случайно. Только случайно.

ГРАМОВ. Почему?

АЛИНА. Только случайное естественно.

ГРАМОВ. Ты неправ. Когда человек любит, естественно все.

АЛИНА. Вы так считаете?

ГРАМОВ. Уверен.

АЛИНА. Я привыкла безоговорочно верить вам.

ГРАМОВ. Идем на набережную. Правда, не вечер, но это не так уж страшно. Главное – выбрать прохладное место, где не только зонты, но и деревья... Вот здесь – нравится?

АЛИНА. Да.

ГРАМОВ (*в сторону*). Будьте любезны, белого вина, мороженое!

АЛИНА. И кофе.

ГРАМОВ. И кофе. (*Алине.*) Белого вина нет, есть красное. (*В сторону.*) Ну, давайте красное. И водки. (*Алине.*) Раз уж нарушать сценарий, так уж нарушать. Это даже лучше – все получается случайно.

АЛИНА. Да. Наверно.

Пауза.

ГРАМОВ. Анекдот хочешь? Англичанин, уходя из гостей, не прощается. Еврей прощается, но не уходит. Русский прощается, уходит, но возвращается в пять утра и будит хозяев, чтобы допить оставшуюся водку... Все. Анекдот кончился.

АЛИНА. Боже мой, какая печаль у вас в глазах. Отчего?

ГРАМОВ. От полноты жизни.

АЛИНА. Да, я вас понимаю. Так и бывает. Когда я печальна, мне очень хорошо.

ГРАМОВ. Ну вот, мы пьем вино. Что с тобой случилось, Алина?

АЛИНА. Ничего, я просто поперхнулась.

ГРАМОВ. Вы забыли? Я должен спросить: что с вами случилось? А вы отпиваете глоток вина и говорите... ну! – что вы говорите?

АЛИНА. Говорю, что я вас люблю.

ГРАМОВ. Вот именно. Вы же так все представляли.

АЛИНА. Не знаю. Это очень трудно сказать. Я страшно волнуюсь. У меня сердце ужасно бьется. Вообще-то это невроз. Но я сумею. Иначе вы уедете и не узнаете. А я буду мучиться, что так вам и не сказала.

ГРАМОВ. А может, я и не уеду еще. Что мне Москва, Израиль, Америка и прочие Гималаи! Другой человек – вот моя Америка и мои Гималаи. Девушка, о которой втайне мечтал, я только сейчас понял, что мечтал, вот моя Америка, мои Гималаи! Алина, черт побери! Я остаюсь с тобой. И у тебя будет много времени, чтобы успеть мне сказать, что ты меня любишь.

АЛИНА. В каком смысле – со мной?

ГРАМОВ. В каком хочешь. Можем пожениться, можем просто жить вместе. Можем жить отдельно, но встречаться. Как хочешь. Бог ты мой, обо всем я подумал, все учел – кроме одного. Я не учел, что не смогу там жить, если не буду тебя видеть каждый день, восемь лет – каждый день, кроме выходных. Я привык к этому, а когда привыкаешь, то кажется, что так оно и будет!

АЛИНА. Мы не сможем пожениться. Я замужем. И у меня двое маленьких детей.

ГРАМОВ. Разве? Как же ты умудрялась это скрывать? Все были уверены...

АЛИНА. Я не люблю распространяться о своей личной жизни. А носить обручальное кольцо считаю предрассудком. Встречаться мы тоже не сможем, потому что я не хочу и не буду изменять мужу. Я его глубоко уважаю. И даже люблю по-своему.

ГРАМОВ. Не понимаю. Зачем же ты собиралась сказать мне, что любишь меня?

АЛИНА. Собиралась, но не сказала же. Человеческая психика загадочна. Возможно, я так всю жизнь и не решилась бы. И в этом есть что-то... Что-то особенное. И это даже хорошо, что вы уедете и не узнаете, что я вас люблю. Я буду терзаться, что упустила возможность. Когда возможность под рукой, это даже неинтересно. Вернее, интересно, но не так. Одно дело – мечтать встретиться воскресным вечером, когда живешь в одном городе. Ничего невероятного в этом нет. А вот мечтать бросить все, умчаться в Израиль, в Америку, в Москву только для того, чтобы сказать, что я люблю вас – это невероятное ощущение, это...

ГРАМОВ. Прав Грамовецкий, мой друг-газетчик. Он считает, что над нашим городом огромная озоновая дыра. И у всех давным-давно произошли необратимые изменения психики. От кого угодно можно ждать, что он ни с того ни с сего воткнет в тебя нож. Кто угодно вдруг может броситься тебе на шею и признаться в любви.

АЛИНА. Зачем вы меня оскорбляете? Оскорбляющий женщину оскорбляет себя!

ГРАМОВ. Я устал! Я тень в городе теней! Я перестал ощущать себя – будто во сне, хочется себя ущипнуть! Куда бы я ни ступил – шагом, мыслью, словом, мне кажется, что я уже был там! Не хочу! Надоело! Как легко обрести свободу и как легко ее потерять... Час назад я был – как птица. А теперь сижу ворона-вороной и, видите ли, печалюсь, что мне не достался вот этот лакомый кусочек сыра!

АЛИНА. Вы так обо мне?

ГРАМОВ. Терпи! Любишь – терпи!

АЛИНА. Кто сказал, что я вас люблю? Как вы смеете? Если я втайне люблю вас, то это еще ничего не значит, пока я сама прямо об этом не сказала! А вы, не убедившись в моих чувствах, уже запятнали их своими грязными словами! Я не знала, что вы такой.

ГРАМОВ. Прости. Что это я, в самом деле... Со всеми ругаюсь напоследок... Прости меня, Алиночка.

АЛИНА. Ладно. Живите спокойно. Я могла вам сказать, что люблю вас, но, боюсь, для вашей слабосильной души это слишком тяжелая ноша. Я ничего вам не скажу, прощайте!

ГРАМОВ. Прости, Алиночка. Это водка. Мне не надо было пить водки. Я отвык. Я опьянел.

Алина уходит (или не уходит), является СЕРЖАНТ. Граммов говорит ему.

То есть я выпил, но не пьян.

СЕРЖАНТ. Кто выпил, тот и пьян. Вы признаете, что вы выпили?

ГРАМОВ. Признаю.

СЕРЖАНТ. Значит – пьян.

ГРАМОВ. Выпил, но не пьян.

СЕРЖАНТ. Так не бывает. Если не выпил, значит не пьян, а выпил – автоматически пьян. И в юридическом, и в физиологическом смысле. Приведу пример. Вот я недавно женился. Женат я или нет?

ГРАМОВ. Да... То есть... Ну да, конечно.

СЕРЖАНТ. Я женился – значит женат. А если б не женился, был бы холост. Так? Теперь рассудите: мог бы я жениться и остаться холостым?

ГРАМОВ. При определенных условиях...

СЕРЖАНТ. Только без софистики! С точки зрения философской логики, мог бы?

ГРАМОВ. Нет.

СЕРЖАНТ. Итак, я женился и стал женатым. Вы выпили и стали пьяным.

ГРАМОВ. Это неправомерное сравнение.

СЕРЖАНТ. А на это у тебя ночь будет подумать, правомерное или нет. Пшел в камеру, алкаш!

Он тихает ногой Грамова куда-то вниз, сам садится к столику с шахматами.

Жэ-два – жэ-три, господин Каспаровф! Что вы на это скажете? Конь жэ-восемь – эф-шесть? Логично. А мы слоником эф-один – аш-три. Глуповатый ход, не правда ли? Следует с вашей стороны что? Следует пешечка е-семь – е-шесть. Скромно, но гениально, в вашем стиле. А мы идиотским ходом ответим: конь жэ-один – эф-три. Ваше слово? Тоже конь? Бэ-восемь – цэ-шесть. *(Далее его речь все убыстряется.)*

Он называет только ходы, становясь все более возбужденным, некоторое время просто стучит фигурами, а в конце выкрикивает. Партия такова:

Белые (Сержант) Черные (Каспаров)

4. рокировка d7 d5

5. d2 d4 h7 h6

6. a2 a4 слон f8 b4

7. слон c1 d2 конь f6 e4

8. c2 c3 слон b4 d6

9. b2 b4 рокировка

10. b4 b5 конь c6 e7

11. d1 c2 a7 a6

12. b5 a6 ладья a8 a6

13. слон d2 e3 слон c8 d7

14. конь b1 d2 конь e4 d2

15. ферзь c2 d2 ладья a6 a4

16. ладья a1 a4 слон d7 a4

17. слон e3 h6 g7 h6

18. ферзь d2 h8 слон a4 b5
19. конь f3 g5 слон b5 d3
20. e2 d3 король f8 e8
21. ферзь h6 h7 король g8 f8
22. ферзь h7f7!

Мат вам, господин Каспаров! Ничего не поделаешь, мат на двадцать втором ходу! А не надо, не надо было заноситься! Никогда не знаешь, с кем встретишься! На всякую силу найдется другая сила, господин Каспаров! На что мы играли? Полмиллиона долларов? Меня это не интересует. Вас испортил профессиональный спорт, а я играю на интерес. Я все в этой жизни делаю на интерес. Поэтому – лезьте под стол. Туда и обратно. Вот так... Умница... Пыльно? Ничего, как раз и подметете! (*Зевает. Подходит к спуску в подвал.*) Эй, алкаши? Все б вам дрыхнуть. В шахматы играет кто-нибудь? В шахматы, говорю... Ты? Ну, выходи.

Из подвала поднимается Грамов – в трусах.

ГРАМОВ. Что, уже утро?

СЕРЖАНТ. Утро.

ГРАМОВ. Я полагаю, скоро придет начальство. Я собираюсь опротестовать ваши действия. Вы забрали меня совершенно трезвым.

СЕРЖАНТ. А зачем дожидаться начальства? Начальство только часа через четыре будет. Хотите выйти сейчас?

ГРАМОВ. Что, заплатить надо?

СЕРЖАНТ. Отнюдь. В шахматы хорошо играете?

ГРАМОВ. На любительском уровне.

СЕРЖАНТ. А я кандидат в мастера спорта. Поэтому отдаю вам две тяжелые фигуры сразу – ладью и слона. Условия же такие. Выигрываете – сейчас же выходите отсюда. Проигрываете – пролезаете под этим столом десять раз и кричите петухом.

ГРАМОВ. На вашу честность отвечу честностью. Я хоть и любитель, но участвовал в турнирах. И тоже выполнил норматив кандидата в мастера.

СЕРЖАНТ. Тем лучше, играем без форы. Прошу. Кстати, чтобы совсем уж в равных условиях быть, оденьтесь. Закуривайте, если хотите.

ГРАМОВ. Ценю вашу деликатность, страж порядка. Но не воспользуюсь ею. Я не буду играть на свою свободу. Не потому что боюсь проиграть и ползать под столом. Ползание меня не унижит, поскольку ползать будет мое тело, а дух останется свободным. Я считаю, что игра бессмысленна потому, что я в любом случае в выигрыше. Я не могу проиграть свою свободу, понимаете? Впрочем, я сам это только что понял, вот здесь. Я даже благодарен, что вы меня засадили в эту кутузку. Я проснулся, осмотрелся и подумал: вот метафора моего существования за последние годы. Темница – и нет выхода. На самом деле выход есть, надо только решиться. Пусть мешают обстоятельства – ничего, все можно преодолеть.

СЕРЖАНТ. Не уверен. Например, вы захотите сейчас выйти. А я не позволю. Как вы преодолеете меня?

ГРАМОВ. Я подожду. Подожду начальства, подпишу протоколы, какие нужно, заплачу штраф или дам подписку, как это у вас делается? И все равно выйду. Моя свобода не уйдет от меня. Сейчас или через четыре часа, невелика разница!

СЕРЖАНТ. А если через пятнадцать суток?

ГРАМОВ. Это почему?

СЕРЖАНТ. Элементарно. Хулиганили в нетрезвом виде, приставали к девушке. Мало ли. На пятнадцать суток я кому угодно наскребу.

ГРАМОВ. Наскребайте! Пятнадцать суток – пустяк по сравнению с будущей жизнью!

СЕРЖАНТ. А год или, например, два?

ГРАМОВ. Ну, это вам не удастся!

СЕРЖАНТ. Запросто. Нападение на милиционера при исполнении.

ГРАМОВ. Это на вас? Не получится. Нет свидетелей!

СЕРЖАНТ. Свидетелей я вам сейчас из подвала хоть десять приволоку. И предъявлю следствию синяк в области верхней части обратной стороны нижней половины туловища. *(Показывает.)* Это я позавчера теще крышу чинил, будучи выпивши, ну и грохнулся. Был бы трезвый, разбился б до смерти, а так – ушиб. Который можно рассматривать как нанесение телесных повреждений средней тяжести, но с угрозой для жизни, поскольку вы метились ногой в важный жизненный центр. *(Показывает.)* Свидетели подтвердят. К тому же, у меня шурин в прокуратуре. Два года светит вам, как пить дать.

ГРАМОВ. Пусть! Пусть даже два года! Даже два года – пустяк по сравнению с будущей жизнью, и, главное, моя свобода все равно останется при мне, что бы со мной вы ни делали! Вот так вот!

СЕРЖАНТ. Какой вы храбрый! Это внушает уважение. Говорите, по сравнению с будущей жизнью? А если ее не будет, будущей жизни? В том числе, сами понимаете, не будет и свободы?

ГРАМОВ. То есть как? Не понимаю!

СЕРЖАНТ. У нас тут месяц назад человек сам себя жизни лишил. В подвал вниз головой прыгнул. Белая горячка у него случилась, показалось ему, что он на море, и хотел он в это синее море со скалы... Рыбкой, ласточкой. *(Надевает на Грамова наручники, подводит к подвалу.)* Видите, как круто, как высоко. Шансы на жизнь минимальные. А в отчете напишем: еще один случай белой горячки. Понимаете, когда один раз, это один раз, чрезвычайное происшествие, а когда создан, говоря юридическим языком, прецендент, относятся уже легче. Теперь у нас тут хоть каждый месяц можно прыжки в море устраивать.

ГРАМОВ. У меня нет белой горячки. Я не прыгну. Вы меня не заставите.

СЕРЖАНТ. Я и не буду заставлять. Я молод, здоров, силен. Я просто вот так вот обниму тебя, козел, приподниму тебя и брошу вниз. И вся тебе жизнь, и вся тебе свобода! Понял, сука мокрохвостая? Чего молчишь?

ГРАМОВ. Вы не посмеете.

СЕРЖАНТ. Вполне посмею. Хотя бы ради торжества логики и истины. Терпеть не могу, когда люди заблуждаются. Я верну вам логику и истину хотя бы даже ценой вашей жизни.

ГРАМОВ. Отпусти, козел! Сними наручники! Я буду кричать!

СЕРЖАНТ. Ты уже кричишь. И будишь бедных больных людей. Они сердятся. И думают: наверно, опять у кого-то белая горячка.

ГРАМОВ. Ты... Хам... Ты...

СЕРЖАНТ. Будем в шахматы играть?

ГРАМОВ. Будем.

СЕРЖАНТ. А с кем я играю, интересно знать? А играю я с человеком по имени Козел Идиотович Дебилов. Я не ошибся?

ГРАМОВ. Прекратите.

СЕРЖАНТ. К синему морю?

ГРАМОВ. Зачем вам это?

СЕРЖАНТ. Представьтесь, прошу вас.

ГРАМОВ. Я забыл.

СЕРЖАНТ. Козел Идиотович Дебилов.

ГРАМОВ. Козел... Идиотович... Дебилов... И все равно вы меня не унизили.

СЕРЖАНТ. Ты сам себя унизил. Садись, играть будем.

ГРАМОВ. Чем я себя унизил?

СЕРЖАНТ. Ладно, замнем. Вы хороший симпатичный человек. Не расстраивайтесь по пустякам.

ГРАМОВ. Это – пустяки? Это – пустяки?

Ногой ударяет по столу, стол опрокидывается, шахматы рассыпаются, Грамов бежит к подвалу и прыгает.

Взвизг музыки. Затемнение.

II

6

ГРАМКО, ГРАМСКОЙ, ГРАМОВЕЦКИЙ, ИРИНА, ЭЛИНА, АЛИНА, МАТЬ, ГРАМОВ.

Печальное поминальное застолье.

ГРАМСКОЙ. Я знал его много лет. И должен сказать, что знал только с хорошей стороны. Конечно, диалектика учит, что в каждом человеке есть и хорошие стороны, и плохие стороны. Это еще Лев Толстой открыл. Но, повторяю, я знал его только с хорошей стороны. Почему? Потому что каждый сам выбирает, какой стороной ему обращаться к людям. Взять, к примеру, меня. У меня тоже есть плохие стороны. Но я понимаю, что если я повернусь к людям плохой стороной, то и они повернутся ко мне плохой стороной. А если я повернусь к ним хорошей стороной, то и они повернутся ко мне хорошей стороной. Он всегда был повернут ко мне хорошей стороной, будучи при этом разносторонним человеком. Только теперь становится ясен масштаб его личности. Только теперь становится ясно, что такие люди – золотой фонд нации и государства. С горечью предлагаю я всем выпить этот горький напиток прощанья. Прощай, друг, и прости.

Пьют. Пауза.

ГРАМКО. Полностью согласен... с вами...

ГРАМСКОЙ. Брось, мы давние друзья, чего это ты?

ГРАМКО. Да. Конечно. С тобой. Я согласен с тобой. Это был человек! Он всегда мог прийти на помощь! До самого конца он помогал людям.

ИРИНА. Пример!

ГРАМКО. Что?

ИРИНА. Приведи пример. Конкретно.

ГРАМКО. Это очень легко сделать... Незадолго до гибели он... У меня сложилась ситуация... Довольно сложная... И он первый пришел не помощь.

ИРИНА. Какая ситуация? В чем заключалась помощь?

ЭЛИНА (*ей*). Мне кажется, до вас еще не дошло, что он умер. Вы тут... Вы тут будто на диспуте каком-то.

ИРИНА. Я вообще не хотела приходить. Похороны, поминки, это глупо. Это условности. (*Грамку.*) Ты сядь. Мы поняли, что тебе жаль, что он умер, потому что он тебе помогал, а теперь не будет помогать.

ГРАМКО. Нельзя так... Даже если бы он не помогал мне лично, я бы все равно... Я все равно сожалел бы.

ИРИНА. Почему?

ГРАМКО. Потому что он был мой друг.

ИРИНА. Неправда. Он был откровенным со мной. Он говорил, что ты появлялся только тогда, когда он тебе был нужен. Какая же это дружба?

ГРАМСКОЙ. Не будем в такой момент ссориться. Пусть он появлялся только тогда, когда наш усопший друг был ему нужен. Но ведь к нему он шел, а не к кому-то еще. Это лишнее доказательство высоких человеческих качеств нашего ушедшего друга.

ИРИНА. Я никогда не бываю на похоронах. Это надгробное краснобайство, фиглярство... Необходимость делать постное лицо... Противно.

АЛИНА. Это делается не только для... для ушедшего. Это для тех, кто его любил. А вы, если не хотели, не приходили бы, не портили бы людям праздник... То есть... Я от волнения, я хотела сказать...

ИРИНА. Я и не собиралась приходить. Но подумала: пусть здесь будет хоть один человек, который радуется за него. Праздник – это вы не случайно оговорились. И решила пойти.

ГРАМОВЕЦКИЙ. Ты верующая? Убежденная христианка? Ему лучше, чем нам, да?

ИРИНА. А потом подумала, что тут будут люди, которым мое присутствие может быть неприятно. И решила не ходить.

ЭЛИНА. Насчет неприятно, это в самую точку!

ИРИНА. Но после этого сказала себе: смерть примиряет. И пусть это будет для кого-то шансом заключить мир с другими, в том числе и со мной. И решила пойти. Но потом подумала, что если кто хочет, он этот шанс найдет в любое другое время. И решила не идти... Но потом подумала, что душа его, которая еще здесь, захочет напоследок увидеть все. И решила пойти.

ГРАМОВЕЦКИЙ. Ага, все-таки верующая! Верующая? А?

ИРИНА. Но потом подумала, что с высоких высот его душа, пусть не сейчас, а позже, увидит тех, кого захочет. И решила...

ЭЛИНА. А почему ты решила, что он, то есть его душа, захочет увидеть именно тебя? Вы извините, я интеллигентная женщина, это всем известно, но если эта блядь не замолчит, я ей всю морду разобью! Приперлась, чтобы сложность и оригинальность своей натуры показать? Дура тщеславная!

ИРИНА. Сама дура.

ГРАМКО. Женщины, ну зачем?!.. Успокойтесь!

ЭЛИНА. Не успокоюсь! Никто из вас по-настоящему не чувствует, что он умер! Что он был для вас? Слова? Поступки? А для меня он был – всё! Как вам объяснить... Вот когда мы с ним поженились, мы кошечку завели. Обычная серая кошечка, на лбу белое пятнышко. Два годика ей было – и ее задавило машиной. Мы очень переживали. Сидим вечером, пьем чай, вдруг он скажет: а помнишь, как Муся носом в кактус – и чихала? И мы вспоминали, как она чихала, мы вспоминали ее глаза, ее пятнышко на лбу, и становилось больно: как же так? – вот была она живая – и вот ее нет? Обидно! Жалко! Нет, вы не поймете. У него была родинка на левом плече. Теплая живая родинка на теплом живом плече... И я не могу понять, где это? Куда это? Неужели я не дотронусь, не увижу? Да ладно, обошлась бы, не я, так другая, не в этом суть! Главное – не могу понять! Что это? Был теплый и живой – и теперь никогда... Никогда! Я с ума сойду, объясните мне, как это бывает и почему это возможно: глаза, руки, голос – живое, теплое – вдруг превращается в ничто! В ничто! Мы говорим о том, чего нет! Это страшно...

ГРАМСКОЙ. Элиночка, ты не права. Что значит – ничто? В силу элементарного закона сохранения энергии и материи, учитывая также религиозные постулаты о бессмертии души...

ЭЛИНА. Помолчи! Почему ты не умер? Почему он? Кто все это решает? Объясните мне – или я сойду с ума!.. Извините... Давайте помолчим... Извините... Кушайте, пожалуйста, пейте... Это его мама приготовила. Она прилегла, извините ее...

Длинная пауза. Наконец встает Грамовецкий.

ГРАМОВЕЦКИЙ. О мертвых или хорошо, или ничего. Поэтому я ничего не хотел говорить. В самом деле, кто был усопший по высшему счету? Обычный российский полуинтеллигент.

ГРАМСКОЙ. В другой раз не мог об этом порассуждать?

ГРАМОВЕЦКИЙ. Обычный российский полуинтеллигент. Пьянствовал, философствовал. Семью не обеспечил, любовницу не осчастливил, теорему Ферма не доказал. В общем, такой же средний тип, как я. Следовательно, хвалить усопшего – хвалить самого себя, а это нескромно! (*Коротко рассмеялся.*) Я думаю, он оценил бы эти слова, он и сам был порядочный ерник, на похоронах Грумова анекдоты мне на ухо рассказывал, чтобы рассмешить... Я завидую ему. Он умер, зато не увидит, как все рушится, как огонь и вода покрывают город, как гибнут его дети! А нам все это предстоит увидеть. Но нельзя заранее опускать руки! Я уже действую, я уже провожу расследование по факту его гибели. Это ведь убийство, причем политическое. Многие знали, что он уезжает. И испугались: вдруг он откроет кое-кому глаза на происходящие здесь безобразия! Это политическое заказное убийство! В сущности, это меня должны были убить. В меня уже стреляли, наезжали машиной, ежедневно подбрасывают анонимные письма с угрозами. Если бы не моя связь с серьезной бандитской группировкой, вы бы давно меня похоронили. Ничего, недолго ждать, я чувствую, что буду следующим! Пью, друг, за твою гибель – и за свою!

Пьет. Остальные воздерживаются.

ГРАМСКОЙ. Про связь с бандитами – ты серьезно?

ГРАМОВЕЦКИЙ. А сам ты, что ли, не связан с ними?

ГРАМСКОЙ. Я имею отношение к этому явлению только лишь в силу того, что по долгу службы это явление преследую и вынужден входить в контакт с некоторыми его представителями, которые хоть и на подозрении, но с юридической точки зрения пока являются легальными гражданами, юридическими лицами, следовательно, как тоже юридическое лицо, я не имею права...

ГРАМОВЕЦКИЙ. Молчи, бандит!

ГРАМКО. Ради бога! Будто говорить больше не о чем! Я вот недавно был в театре...

ГРАМСКОЙ. Он бандитом меня назвал! А где доказательства? За клевету и под суд можно угодить, между прочим!

ГРАМОВЕЦКИЙ. С удовольствием! И я на суде наконец скажу о тебе все, что знаю!

ГРАМСКОЙ. Да что ты знаешь?

ГРАМОВЕЦКИЙ. Все!

ГРАМСКОЙ. Что именно? Конкретно!

ГРАМКО. Ребята, бросьте! Вы же друзья, нехорошо так. Кто-то, возможно, бандит. Я говорю – возможно. Сегодня он бандит, завтра убит, извините за рифму. Или сидит в тюрьме. Или пока разгуливает на свободе. Все преходяще. А вот дружба – вечная категория. Разве не так?

АЛИНА. О чем вы говорите? Надо о нем! Извините... Можно мне сказать?... Восемь лет я... я знала... его... И все восемь лет... Сейчас такой момент, что мне не страшно и не стыдно... Восемь лет я собиралась признаться ему, что люблю его. И не успела. Он ушел и никогда не узнает. Я виновата. Мы все виноваты перед ним. Он собирался уехать, он приходил ко всем, и никто не догадался протянуть ему руку помощи. Никто! Ведь он не уезжать собирался, он чувствовал, что погибнет! Он просил каждого: помоги мне, спаси меня! Никто не спас, никто не помог!

ГРАМСКОЙ. Вы не правы. Если бы он действительно высказал просьбу...

ГРАМОВЕЦКИЙ. Молчи! Она права. (*Грамко.*) И ты прав. Мы друзья. Нужно держаться друг друга, ибо только здесь, в провинции должен возродиться великий дух великой России! А что мы делаем? Мы топим друг друга! Подсизиваем! Грыземся! Я первый глотку перерву тому, кто перейдет мне дорогу! Это хорошо? Это гнусно! Мы отторгаем лучшее и самое талантливое, и лучшие люди или подыхают, или уезжают, оставляя наш город на разграбление и поношение бездарям, продажным чиновникам, двуличным журналистам, бандитам, а главное – той серой безликой массе...

Появляется МАТЬ. Грамовецкий умолкает.

МАТЬ. Вы кушайте. Вы что-то плохо кушаете.

ГРАМСКОЙ. Мы кушаем.

МАТЬ. Вот салат с креветками. Он очень любил. Попробуйте, попробуйте!

ЭЛИНА. Мы пробуем, мама. Очень вкусно.

МАТЬ. У него был тонкий аристократический вкус. Он вообще был аристократ в душе. Я рада, что вы пришли. Спасибо вам.

ГРАМСКОЙ. Это вам спасибо. Воспитали гражданина, гражданственной которого нет никого среди нас.

ЭЛИНА. Человека, человечнее которого нет никого среди нас.

ГРАМКО. Самоотверженца, самоотверженнее которого нет никого среди нас.

ИРИНА. Он был умнее всех нас.

ГРАМОВЕЦКИЙ. Да просто гений, что там говорить!

АЛИНА. Ему нужно поставить памятник высотой с десятиэтажный дом. Я предлагаю написать совместное заявление, чтобы его захоронили в кремлевской стене.

МАТЬ. Спасибо. Спасибо. Вы кушайте, кушайте.

Уходит.

ГРАМОВЕЦКИЙ. Салат, видите ли, из креветок он любил. Пижон дешевый! Как был холоп по рождению, так и остался холопом!

ГРАМКО. И трусливым, очень трусливым при этом, хотя и...

ГРАМСКОЙ. Хам. Просто хам. Алкоголик и хам.

ЭЛИНА. Притворщик, обманщик, изменщик.

АЛИНА. Да дерьмо просто, что тут говорить-то.

ИРИНА. Сволочь. Однозначно – сволочь. Таким и жить-то не нужно.

Является ГРАМОВ. Некоторое время все смотрят на него.

ГРАМОВЕЦКИЙ. Роднуля ты мой! Проспался?

ГРАМОВ. Давно не пил... Развезло, извините... Или сотрясение мозга у меня, и я от этого ослаб. Я ведь в ментовку недавно попал. Сковырнулся там с высокой лестницы на бетонный пол – и хоть бы что. А до этого там, говорят, человек погиб. Оступился, упал – и...

ГРАМОВЕЦКИЙ. Рожденный повешенным не утонет.

ИРИНА. Что значит – рожденный повешенным? Выражайся точнее.

ГРАМОВЕЦКИЙ. Вечно ты цепляешься к словам.

ГРАМОВ. Странный сон мне приснился... Мы сегодня прощаемся, и сон прощальный. Будто я умер и вижу собственные похороны.

ГРАМОВЕЦКИЙ. Обычное дело. Я как выпью, даже засыпать боюсь, один и тот же сон: лежу в гробу в смокинге, в галстук-бабочке и с босыми ногами. Суки, ору, обуйте ноги-то, они ж воняют!

ЭЛИНА. Дайте сказать человеку!

ГРАМОВ. Спасибо, Эля. Да. Пора произнести прощальную речь... Я уезжаю. Я давно уже знал, что мне надо уехать. Но не мог понять, почему. Нет, в детстве было все понятно. В детстве я знал, что буду капитаном дальнего плавания! И открою какой-нибудь Магелланов пролив. То есть, конечно, не Магелланов, а какой-нибудь еще. Ведь не может быть, чтобы все было открыто! Не может этого быть. А потом... Потом все это забылось. Я не стал капитаном дальнего плавания. Я не открыл Магелланова пролива. Правда, у меня появилась другая мечта. Я захотел стать художником кирпича, бетона и стекла. Я мечтал перестроить этот город, построить его, как свой дом... Нет, я не об этом... Я жил... Просто жил... И вдруг понял – надо уехать! Но почему? И я решил, что терпеть не могу этот город, который сам же и построил, хоть и не весь. Ненавижу его. Ненавижу свое дело. То есть, верней, условия, в которых при-

ходится... Я решил, что никому здесь не нужны мои мозги, мой... Я решил, что все мне до смерти надоело. Терпеть вас не могу. Ненавижу вас. И вот понял...

ИРИНА. Во сне?

ГРАМОВ. Пожалуй, да. Во сне. Может быть. Я понял, что уезжаю, потому что слишком люблю вас. Вас всех. (*Грамо.*) Люблю тебя, твои детские пугливые глаза. Твою вечную опаску за свое любимое дело, ведь это и моя опаска, моя, я сам такой! (*Элине.*) Люблю тебя – как жену и мать, причем жену не бывшую, а вечную, не бывает бывших жен, все жены навсегда!

ЭЛИНА. И мою родинку над левой грудью любишь?

ГРАМОВ. Обожаю. Живую, теплую. Люблю. (*Грамовецкому.*) Люблю тебя, твой патриотизм и твою беспринципность, твою неподкупность и продажность, твою переменчивость – это все мое, это я сам! (*Грамскому.*) Люблю тебя, горлопана и взяточника, люблю за то, что в душе ты все равно наш, и сколько ни вытравляешь это из себя, не получается. Я ведь знаю, ты в любой момент можешь достать свой телефон...

Грамской достаёт.

Набрать номер хоть самого губернатора...

Грамской кивает и набирает номер.

И сказать ему: губернатор, ты козел!

ГРАМСКОЙ. Лаврентий Кузьмич? Вот что, Лаврентий, ты козел!.. Кто говорит?... Да это так... Один человек... Вы его не знаете... Грамской говорит! Грамской! Да, тот самый, козел, тот самый! Будь здоров! (*Хохочет, вытывает.*) Как я его? Будет знать!

ГРОМОВ (*Алине*). Люблю тебя, Алина, за твою тонкую, милую, мечтательную провинциальную любовь. Всех люблю.

ИРИНА. Ты мне ничего не сказал.

ГРАМОВ. А разве тебе нужно что-то говорить? Ты и так все понимаешь.

ИРИНА. Да.

ГРАМОВ. Меня это всегда раздражало, но именно за это я тебя люблю. Всех люблю. И не могу больше. Простите. Хотел все оборвать и обрубить, сжечь мосты, подвести итоги, начать новую жизнь. Нет. Не в этом дело, хорошие мои. Просто – не могу. Слишком тяжело. Слишком больно всех вас любить. И с годами все больше. Не могу. Хочу стать чужим. Понимаете? То есть хотел.

ГРАМОВЕЦКИЙ. У тебя золотая душа. Все дело в твоей невестребованности. А знаете что? Давайте все уедем! Забастовки, голодовки, этим давно никого не удивишь! Россия велика, кругом пустоши. Образует поселение, такое, знаете ли, натуральное хозяйство. Все уедем – лучшие педагоги, врачи, творческая интеллигенция, инженеры, слесари-кудесники, изящные умные женщины, которых не ценят, все, все, на кого власть плюет, так называемый народ плюет! – уедем и посмотрим, как они тут будут без нас! Небось взвоют!

ГРАМСКОЙ. Небось не взвоят. Только свистнем – новых тыща набегится. Будем хорошо платить, прикормим, пригреем.

ГРАМОВЕЦКИЙ. Это ты говоришь? Что с тобой? Ты ведь только что губернатора козлом назвал!

ГРАМСКОЙ. Я набрал собственный номер.

ЭЛИНА. Значит – сам себя назвал козлом.

ГРАМСКОЙ. Но зато и губернатором. И я им еще стану, вот посмотрите, через несколько лет – стану!.. Ладно. Опять мы отвлекаемся. (*Грамову.*) Пью за тебя, дорогой. Большому кораблю – большое плавание. Удачи тебе!

ГРАМОВ. погоди. Неужели ты не понял? Неужели вы не поняли? Я остаюсь. Я не смогу без вас. Я не смогу без этого проклятого города. Если я еще в поезд не сел, а уже затосковал, то что будет потом? Я остаюсь! Слышите? Я никуда не еду!

Очень длинная пауза.

ГРАМОВЕЦКИЙ. За что же мы пьем тогда?

ГРАМОВ. А вот за это и пьем, за то, что я остаюсь.

ГРАМОВЕЦКИЙ. Много чести. Цаца какая, пить за то, что он, видите ли, остается.

ГРАМОВ. Ты что, не рад?

ГРАМОВЕЦКИЙ. При чем тут – рад, не рад... Уж собрался – так уезжал бы. Вот она, полуинтеллигентская черта! Вечно мы так: сто раз отмеряем и ни разу не отрезаем, начинаем заново мерить!

ГРАМОВ. Что ты сердишься, не понимаю?

ГРАМОВЕЦКИЙ. На кого? На тебя? Была охота! Я просто... Измельчал народ. Ни поступков тебе решительных, ни тебе... Почему я пишу в своей газете про сплошные убийства, про коррупцию и прочую гниль? От безысходности! Я хотел бы писать о сильных красивых людях! Нет сильных и красивых людей. Нация деградировала!

Пауза.

ГРАМОВ. Мне начинает казаться, что я никого не обрадовал... Эля, ведь нет? Не обрадовал?

ЭЛИНА. Но тебе ведь надо... Ты ведь человека убил.

ГРАМОВ. Да наврал я, наврал! Я с ним (*на Грамского*), да, виделся в пивнушке, а человека этого придумал, придумал! Остаться или нет, Эля?

ЭЛИНА. Что ты меня спрашиваешь? Я рада. Оставайся. На здоровье. Живи со своей с этой. Или – с этой.

АЛИНА. Я замужем, между прочим!

ГРАМОВ. Эля, я с тобой хочу жить.

ЭЛИНА. Очень приятно. И жди тебя вечно до ночи, и думай, с кем ты там, где ты там...

ГРАМОВ. Я не нужен тебе? А родинка на плече, теплая, живая, которую ты...

ЭЛИНА. И не только я. Нет уж, мы это проходили.

ГРАМОВ. Значит, лучше, если я уеду? Ирина, лучше? Да?

ИРИНА. Тебе решать.

ГРАМОВ. Но ты как хочешь?

ИРИНА. При чем тут я? Ты меня не любишь, ты говорил мне об этом.

ГРАМОВ. Я врал.

ИРИНА. Ты врал очень убедительно.

ГРАМОВ. Ну и что? Я умею убедительно врать, ты это знаешь. Хорошо, пусть не с тобой, но вообще – вообще, понимаешь? – ты хочешь, чтобы я остался? Не с тобой, а вообще в этом городе?

ИРИНА. Рассуждая философски, ничего от этого не изменится.

ГРАМОВ. То есть тебе все равно?

ИРИНА. Мне все равно.

ГРАМОВ. А тебе, Алиночка? Тебе тоже все равно?

АЛИНА. Мне не все равно. Вы ведете себя как мальчик. Просто смешно становится. И других в смешном виде выставляете. В двусмысленном положении. Я уже свыклась с мыслью, что вы уедете навсегда и никогда не узнаете, что я вас люблю. И вдруг здрасти – остаетесь опять. Знаете, я от этих перемен так запуталась, что даже уже не знаю, люблю ли я вас в самом-то деле. Я привыкла к мысли, что люблю вас, мысль – есть, а чувства, может, уже нет.

ГРАМОВ. Ясно. По-женски туманно, но абсолютно понятно! Мужчины, я думаю, выразятся конкретнее. Не правда ли, Грамко?

ГРАМКО. А зачем унижать меня?

ГРАМОВ. Чем я тебя унижил?

ГРАМКО. Ты всегда меня унижал. Помогал, конечно, но делал это с видом полного превосходства.

ГРАМОВ. Разве?

ГРАМКО. Вот и сейчас, ты ведь не просто сказал: мужчины! Ты ко мне при этом обратился, как бы подразумевая, что я-то как раз не мужчина!

Грамов хочет возразить.

Погоди, я еще не все сказал! Я очень рад, что ты не успел помочь мне. Хватит на кого-то надеяться. Я пойду ТУДА – сам. Надо будет убеждать – сумею! Просить – сумею. Надо будет какую-нибудь начальницу... тоже сумею! А ты – уезжай! Проваливай! Скатертью дорога!

ГРАМСКОЙ. Не могу не присоединиться. (*Грамову.*) Видишь ли, ввиду твоего отъезда я хотел простить тебе то хамство, которое ты допустил на днях по отношению ко мне. Но если ты остаешься, я простить никак не смогу. Я борюсь с собой, учу себя быть не злопамятным, но пойми, положение обязывает. Стоит мне одного вот так вот запросто простить, так другие сразу же подумают, что и им можно. И начнется бардак, хаос, революция и контрреволюция одновременно! Разве мало мы пережили гражданских войн, голода, репрессий и прочих бед? Поэтому, если ты останешься, я приму меры, чтобы наказать тебя примерным образом. Именно примерным, чтобы другие это поняли как пример.

ГРАМОВ. Спасибо. Спасибо всем. Действительно... Странный я человек. Объяснился всем в любви и думал, что осчастливил. И в голову мне не влез простейший вопрос: а меня-то любят ли эти люди? Я был уверен – любят. А оказывается...

МАТЬ (*незаметно появившаяся*). Да любят, любят, успокойся. Просто тебе их любить тяжело – и им тебя нелегко. Людям покоя хочется, а ты покоя не даешь, теребишь их то и дело.

ГРАМОВ. Мама, мама!.. И тебе нелегко? И тебе будет лучше, если я уеду?

МАТЬ. И лучше, и хуже. Лучше – потому что не знаю, что ты там и как ты там, не на глазах, буду думать, что все хорошо. Позвонишь, напишешь – так и вообще счастлива. Издали любить легче. А близко – то ты пропадаешь на целую неделю, то ходишь как в воду опущенный, то веселишься, будто буйный какой-то... Не знаю. Да нет, оставайся, что я говорю, оставайся, конечно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.